В ЭТОМ МЕСТЕ ГРАНИЦА
ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ НАДЕЖНОЙ

СПЕЦНАЗ КГБ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ТЕРАКТ В РАССРОЧКУ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Теракт в рассрочку

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Теракт в рассрочку / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2026 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-258366-7

1961 год. Карелия. От рук уличных хулиганов погибает полковник пограничных войск в отставке, специалист по борьбе с химическим и биологическим оружием. В это же время задержанный в Петрозаводске уголовник сообщает милиции, что получил от местного авторитета Михи Мурманского задание украсть на вокзале для своих подельников три паспорта. За это щипачу обещана доля от переправки через границу какого-то «особого» груза. Руководство КГБ приходит к выводу: оба факта – убийство полковника и тайный план Михи – как-то связаны между собой. Чтобы разоблачить преступную схему, в банду под видом аферист внедряется капитан КГБ Вячеслав Богданов. То, что ему удается выяснить, кажется невероятным…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-258366-7

© Тамоников А. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Александр Александрович Тамоников
Теракт в рассрочку

© Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Как странно, еще два года назад де Голль был не просто полон энергии, о нет, он и внешне не казался старым. Сейчас же одного взгляда на главу Пятой Республики достаточно, чтобы понять, как сильно он сдал. Согбенный, осунувшийся, с измученным морщинистым лицом землистого цвета. Страшнее всего были его слепнущие глаза, стремительно пожираемые катарактой. Они глубоко запали в почерневшие ямины глазниц, словно хищная птица вырвала глазные яблоки огромными когтями.

Каких-то два года отделяли бодрого бригадного генерала от немощного, удрученного ветерана, перешагнувшего семидесятилетний рубеж, – и такие колоссальные перемены. Временами, все реже и реже, в де Голле просыпался прежний лидер, и пока этот лидер не почил вечным сном, нация нуждалась в живой мумии. Его ненавидели, проклинали, презирали, критиковали, поносили. Осталось так мало тех, кто верен де Голлю. Однако стоит ему выйти к людям – хоть к военным, хоть к гражданским – и заговорить, как их настроение молниеносно меняется. Они осознают, что здесь и сейчас не могут отрицать власть этого человека, готовы рукоплескать ему с тем же неописуемым восторгом, с каким встречали в 1944 году, когда он вернулся на родину символом освобождения.

Сидевший напротив Жорж Помпиду беспрестанно бубнил. Де Голль словно и не слушал его отчет. В действительности президент ловил каждое слово премьер-министра, вот только смотреть на этого человека с острыми бегающими глазками не желал. Еще месяц назад Шарль де Голль всецело полагался на Жоржа, доверял ему. Знал, что таких друзей, как Жорж, почти не осталось. Заняв в апреле благодаря де Голлю пост премьера, Помпиду повел себя чересчур независимо. Волей-неволей президент отмечал за ним разные недостатки, заставлявшие усомниться в способностях друга. Политик ли он? Нет, типичный жуир, сластолюбец умеет лишь кутить и развлекаться на разнузданных вечеринках красавчика-актера, по которому нынче сходят с ума все француженки, – этого чертоввa Алена Делона.

Кстати, поговаривают, на тех оргиях не обходится без гостей из криминального мира. Арестовать бы всю эту бесшабашную компанию скопом! Но нельзя. У нации есть только один Делон.

И только один де Голль.

Который, чего греха таить, тоже погряз в связях с криминалом по самый нос, знаменитый огромный деголлевский нос, подобный флюгеру на старинных готических шпилях.

– Как мы смогли это допустить, Жорж? – перебил Шарль приятеля. – Когда мы свернули не туда?

Премьер-министр опустил очи долу и скрестил пальцы на животе. Оба политика знали, что до правды сейчас уже не докопаться. Быть может, это случилось в конце пятидесятых, когда проглядывались трещины в фундаменте Четвертой Республики, с падением которой требующий независимости Алжир, альфа в колониальном созвездии Франции, превратился в кровоточащую рану. Семь лет упорной войны с Фронтом национального освобождения превратили Африку в поле битвы, где столкнулись люди, армии, народы.

В казармах зрело недовольство. Офицеры, годами воевавшие против повстанцев, считали предательство со стороны Парижа неизбежным. Видели, как их жертвы, их кровь, пролитая за французские владения, окажутся напрасными. Общество и армию раздирали споры. Одни отстаивали право Алжира на самоопределение, другие до последнего цеплялись за идею «французской Африки». Политики метались между экономическими интересами и моральным долгом, между имперскими амбициями и духом эпохи.

В этой атмосфере всеобщего недоверия и страха родилась Секретная вооруженная организация – «Организасьон де л'армэ секрэт», сокращенно ОАС. Армия противников прези-

дента, готовая на любые меры ради сохранения Алжира в составе Франции. Террористические акты, политические убийства, заговоры – все шло в ход в этой отчаянной борьбе за сохранение империи.

Шарль де Голль, вернувшийся к власти на волне народного недовольства, оказался перед сложнейшим выбором. Сохранить империю или построить новую Францию? Его выбор в пользу деколонизации тяжко обрушился на тех, кто видел будущее страны иначе. Конфликт разгорался, к началу шестидесятых пододвинув Францию к краю пропасти. В воздухе витал запах пороха… и взрывчатки.

Восьмого сентября прошлого года в Пон-сюр-Сен произошло первое из покушений на президента. Точно клапан открылся. Новые попытки устранить французского лидера следовали одна за другой. Секретная вооруженная организация не собиралась сдаваться, ее ячейки метастазами распространялись по стране, готовя новые удары против республики. Террористы действовали дерзко и беспощадно. Помимо покушений на первое лицо, совершались и другие теракты: аварии, взрывы, обстрелы.

Не доверяя армии и полиции, в среде которых многие симпатизировали ОАС, де Голль сделал ставку на мафию. Придет время, и люди скажут, что он опирался на уголовщину, дабы удержаться на троне. Сам же президент истово верил, что пошел на немыслимое ради сохранения порядка в своем отечестве.

Под крылом де Голля сложились секретные ударные отряды так называемых «барбузов», то есть «фальшивобородых», развернувших этой весной беспощадную войну против террористов из ОАС. Похищения, пытки, убийства – уголовники не брезговали ничем. Весна еще не закончилась, а «барбузы» уже убили и замучили до смерти почти сотню человек. Но успеха не добились.

Сегодня седьмое мая 1962 года. Отряды «барбузов» терпят поражение под натиском ОАС, бойцы которой служили в армии, а потому лучше организованы, дисциплинированы и искуснее обращаются с оружием.

Теперь же Помпиду пришел сообщить, что крах «барбузов» обусловлен и другой причиной. За Секретной вооруженной организацией, как выясняется, стоит теневая структура, глубоко законспирированная, пронизывающая кабинет министров, армию и верхи силовых органов. Если ОАС и ее главный смутьян – подполковник ВВС Бастьен-Тири заявляют о себе открыто, то ее тайные кукловоды ничем себя не выдают. Неужели это правда? Неужели противников де Голля столь много и они столь могущественны?

– У нас еще остались базы «барбузов» в Алжире? – встревоженно спросил президент.

– Нет, Шарль, ни одной. Последняя база в отеле «Раджа» была уничтожена взрывом. Парни из ОАС заложили бомбу в печатный станок. Взрывчатки не пожалели, мощность была колоссальная. От здания камня на камне не осталось, погибли десятки наших агентов.

– Кошмар!..

– ОАС превосходит их тактически. Мы должны были это понимать, отправляя туда уличный сброд.

– Мы что-то делаем для уцелевших?

– Налажена эвакуация обратно в метрополию, но перекинуть удастся не всех. «Барбузы» без техники и связи, оружия у них не так уж много. Мятежники окружают и истребляют отряды наших людей по отдельности.

– Наших? С каких пор они стали «нашими» людьми, Жорж? – вскричал де Голль.

Помпиду не нашелся, что ответить, но президент и не ждал от него ответов.

– Мы ничего не выиграли от союза со «славными парнями» из Марселя, – продолжал де Голль. – Они получили от нас лицензии и госзаказы, легализовали свой подпольный бизнес, вошли в госструктуры, подчинили себе полицию. А что в итоге? Что мы получили взамен?

Они не справились с задачей, ОАС сделалась лишь сильнее и ожесточеннее. Позорная сделка, Жорж. Мы собственноручно вручили страну организованной преступности.

– Нами движет благая цель, Шарль, – робко возразил премьер-министр. – Мы спасаем республику.

Де Голль не счел нужным спорить. Да, он боролся со сторонниками военной диктатуры, но республика была ему глубоко безразлична. Сын убежденного монархиста, де Голль видел Францию завтрашнего дня выборной монархией – государством, где народ избирает короля, вместо того чтобы регулярно посещать политический балаган, на котором выдвигаются кандидаты в президенты.

– Дольше откладывать было нельзя, – напомнил Помпиду.

Он говорил об Эвианских соглашениях, подписанных в минувшем марте и давших Алжиру независимость. А попутно спровоцировавших всплеск активности радикалов из ОАС, которые перешли в режим «тотальной войны» против де Голля. Заговорщики понимали, что их время уходит, поэтому весна превратилась в конвейер непрерывных, но хаотичных и сорванных попыток убийства президента. Президентскую машину на каждом углу поджидали засады, весьма безыскусные, надо признать.

Боевики ОАС не умели убивать? Они же солдаты и офицеры!

Умели на войне. Как устранить главу собственной страны на парижских улицах, мятежники не представляли. Вдобавок следует отдать должное Жану Бастьену-Тири, террористы обычно стремились минимизировать потери гражданских, избегая напрасных жертв. Хотя совершенно ясно, что в ОАС входят разные люди, среди них успели проявить себя и те, кто, подчинившись намеченной цели, безразличен к массовым смертям.

Последнего и опасались сторонники де Голля. Май месяц становился решающим временем, когда от ОАС ожидался удар сокрушительной силы. Либо это будет катастрофический по последствиям теракт (если Бастьен-Тири не усмирит своих псов), либо особо изощренное покушение на президента.

Кроме того, нельзя забывать о людях, стоящих за принципиальным Бастьеном-Тири. Пожелай кто-то из них ради свержения де Голля ввергнуть страну в бушующее море анархии, и боевики не станут считаться с жертвами.

– Есть и хорошие новости, Шарль, – приосанившись, радостным тоном сообщил Помпиду. – Похоже, в рядах ОАС намечается раздрай, организацию покидают крупные фигуры. Первая ласточка на этой неделе покинула страну.

– Ты о ком? – насторожился президент.

– Об Антуане Арго. Разведка донесла, что он тайно вылетел в Хельсинки.

– Первая ласточка, говоришь? – грустно усмехнулся де Голль. – Сбежал один-единственный капитан, а ты преподносишь так, словно вся верхушка ОАС рассеялась по Европе. Кстати, почему именно Финляндия?

– А какие у него варианты? – фыркнул Помпиду. – Неужели Британия? Политики, которые бегут с континента на Альбион, часто заканчивают жизнь удавленными собственным шарфом. Или иным способом отправляются на тот свет раньше срока. Не мне напоминать тебе о судьбе Наполеона III.

Де Голль вздрогнул.

– Не стоит напоминать. Я сам мог повторить его судьбу, когда в сороковом году отправился в Лондон формировать правительство в изгнании. Каким чудом Черчилль не отравил меня собственными руками, до сих пор ума не приложу… Но все же, Финляндия? Право, странный выбор.

– Рискну предположить, он выбирает такую страну, где его не достанем ни мы, ни англичане. Финны же – тихая, спокойная нация, вот уже почти двадцать лет кряду там спокойно. Советский Союз отбил у них желание играть в политические игры.

* * *

Когда сержант милиции Николай Станиславович Судовиков, слабо сопротивляясь искушению, поглядывал в сторону квасной бочки, то и предположить не смел, что предотвратит серьезное преступление.

День выдался не по-майски теплым, отчасти, наверное, потому, что две недели не выпадало дождей и, по заверениям синоптиков, осадков не предвидится до середины месяца. Лишь после 16 числа на Петрозаводск обрушатся нескончаемые потоки воды, предвещая приход по обыкновению сырого лета. Но это – впереди. А пока на вокзале тепло, солнечно, полным-полно народа, и к автоприцепу с манящей желтенькой цистерной выстроилась приличная очередь, преимущественно из мужчин. Алчущие радовались квасу, отчего расточали цветистые комплименты пышнотелой продавщице, которая раскраснелась от обилия мужского внимания и в добавление к каждой кружке щедро дарила искренние улыбки.

Идиллическая сценка… Николай Станиславович мог бы следить за магическими движениями рук женщины бесконечно, не решаясь приблизиться к бочке. И дело тут вовсе не в страсти к продавщице – молодой сержант обожал жену, да и в браке пробыл недолго, чтобы заглядываться на посторонних дам. Ему, как и тем счастливчикам в очереди, хотелось отхлебнуть кваску. Но прохлаждаться при исполнении, как известно, нельзя. В силу невероятного стечения обстоятельств начальство уже трижды застукало Судовикова за потреблением безобидного напитка, что отразилось в личном деле невезучего сержанта. Причем всякий раз в роли строгого надсмотрщика выступал старший лейтенант Сюкияйнен, непостижимым образом выраставший будто из-под асфальта в самый неподходящий момент, когда едва смочивший губы Судовиков был наиболее уязвим.

«Как у него получается? Следит за мной, что ли?» – негодовал сержант. По здравом размышлении он понял, что сам виноват в своих бедах, ибо всякий раз подходил к одной и той же бочке, причем примерно в одинаковое время. Надо полагать, невыносимый старший лейтенант в этот час регулярно проходил мимо привычным маршрутом с какими-нибудь поручениями, а Судовиков неизменно попадался ему на глаза, как последний дурак. Вполне вероятно также и другое: товарищ Сюкияйнен ходил по тому маршруту с крайне неприятной миссией, что усиливало его раздражительность, а тут, как на грех, перед его глазами свершалось вопиющее нарушение дисциплины его подчиненным.

Вот почему сегодня, десятого мая, Судовиков находился поблизости от совершенно другой бочки, далеко от пути, по которому ходит старший лейтенант. И все же чувство настороженности не отпускало. Сержант глотал слюну, таращился на желтые бока цистерны, изучил каждую завитушку на кирпичного цвета буквах в слове «КВАС» и все же занять очередь не решался.

Внезапно внимание сержанта привлекло странное поведение мужчины в замызганном легком плаще серого цвета и надвинутой на глаза кепочке. Очертания фигуры показались отчасти знакомы, хотя полной уверенности не было. Знакомый незнакомец был среднего роста и средней комплекции, поэтому со спины опознать его не представлялось возможным. Вот только эти бачки на висках… Куцые, реденькие, зато ближе к щекам топорщились длинными волосенками, словно кошачьи усы.

У мужчины в плаще и секунды не получалось стоять неподвижно. Он топтался, переминался, покачивался, ковырял носком ботинка асфальт. А еще беспрестанно сутулился и прятал лицо, хоть и стрелял глазами по сторонам, слегка наклоняя голову вправо-влево.

Признаться, в очереди имелось немало нервных. Здесь же вокзал, как-никак, полным-полно встречающих и отъезжающих, которые боятся, что простоят за квасом слишком долго и опоздают к поезду. Однако их поведение разительно отличалось. Эти то и дело вски-

дывали голову, смотря в сторону путей, или сгибали в локте руку, глядя на часы. Мужчина в плаще на часы не посмотрел ни разу.

«Батюшки ты мои! Исаченко!» – узнал наконец Судовиков.

Бесследно исчезла бочка, оставив после себя дразнящий кисловатый запах. Ровно по волшебству растворилась в воздухе улыбчивая продавщица. Глаза сержанта не замечали ничего и никого вокруг, кроме этого невзрачного, неприметного мужчины тридцати двух лет, в сером плаще и с жалкими вспушенными бакенбардами, похожими на кошачьи усы.

Сергея Тарасовича Исаченко по прозвищу Гвоздь в уголовном мире уважали за несравненное мастерство карманника. Лично сержант дважды задерживал Исаченко, всего же у щипача были четыре привода и еще десять не подтвержденных подозрений на карманные кражи. Доказать, где побывали умелые длинные пальцы Гвоздя, крайне трудно.

Вот и сейчас эти пальцы без лишних движений нырнули в карман утепленного пиджака мужчины впереди. Исаченко так долго шевелился, стоя на месте, что очередь успела привыкнуть к его беспокойным телодвижениям, никто не обращал на Гвоздя внимания. Лишь сержант заметил, как тонкие пальцы, которые подошли бы пианисту, возвращались из чужого кармана с добычей – крохотной книжицей в красной кожаной обложке.

Не повезло щипачу, рассчитывал бумажником поживиться, а достал паспорт. Чем и плох вокзал. С одной стороны, здесь рай для карманников. Люди суетятся, спешат, сделав квадратные глаза, и ничего не видят вокруг себя. Причем все при деньгах, так что хоть рубчик, а умыкнуть получится. Увы, порой под руку вместо желанных купюр лезли бесполезные документы, пропажа которых, к слову сказать, доставляла обворованным больше головной боли, чем исчезновение денег. Презренный металл можно заработать, а вот без паспорта у тебя и поездка срывается, и ближайшие месяцы оборачиваются мучительным хождением в паспортный стол.

По идее, ничто не мешает Исаченко, осознавшему допущенный промах, тотчас же бросить документ на землю там, где стоит. Якобы гражданин свой паспорт нечаянно уронил. Но карманники так не поступают, чтобы не рисковать, привлекая ненужное внимание к своей персоне. Вот почему Гвоздь без колебаний незаметно запихал красненькую книжицу себе в карман плаща. Потом выбросит на помойку, не задумываясь о проблемах, доставленных человеку.

Видимо, в настоящий момент щипач лезет в другой карман выбранной жертвы, но со стороны, где стоял Николай Судовиков, левую руку Исаченко не видно, ее заслоняли спины тех, кто стоял в очереди следом. Впрочем, ждать подтверждения догадок не требовалось. На глазах сотрудника милиции, поставленного следить за порядком на вокзале, совершалось преступление.

Пять секунд спустя в правую руку карманника цепко ухватились короткие пальцы сержанта. Исаченко рефлекторно дернулся, пытаясь вывернуться, но Судовиков недаром дважды брал воришку. Николаю Станиславовичу удалось как-то своеобразно вывернуть руку Гвоздя, отчего ее будто бы затягивало в шестеренки неумолимо вращающегося механизма. Исаченко со злобой глянул в лицо тому, кто посмел так бесцеремонно с ним обращаться, и разом обмяк. Злоба во взгляде сменилась испуганным выражением. В уши ворвался звонкий, торжествующий басок:

– Гражданин Исаченко, вы задержаны по обвинению в краже документов…

Гвоздь до жути боялся Судовикова. Карманника поражало то, как этот хитрый, с виду неказистый сержантик умудряется заметить его ловкие пассы, как успевает вмешаться, как умеет вцепиться клещами, аж не стряхнуть и не сбежать. Исаченко знал, что способен обдурить большинство милиционеров – кроме зловредного сержанта. Не человек, а сущий дьявол в форме!

Похоже, щипач неосознанно наделял сержанта теми же сверхъестественными способностями, какими сержант наделял старшего лейтенанта Сюкияйнена.

– Окружающих прошу засвидетельствовать, – продолжал бодренько и даже с каким-то весельем басить Судовиков. – На ваших глазах сотрудником милиции задержан карманник при попытке изъять паспорт вот у этого гражданина… Как вас зовут? Да не вас, а вас!..

Обокраденным оказался Лепнев Андрей Васильевич, управляющий районным отделением хлеботреста. Дородный мужчина с моржовыми усами и густыми волосами, закрывавшими уши, принялся энергично хлопать себя по бортам однотонного, темно-коричневого пиджака, с оханьем причитая по поводу пропажи документа.

Судовиков властно потребовал от Исаченко достать из плаща украденный паспорт. С кислой, покорной миной карманник повиновался. Он знал, что лучше подчиниться, поскольку Судовикова не обдурить, и сбежать от демона не получится. Вдобавок ноги у Исаченко подрагивали от пережитого потрясения, отчего бегун из него в настоящий момент никакой – догонит кто угодно, даже едва научившийся ходить младенец. В мыслях ругая себя за слабость и за безотчетный страх перед басившим в ухо сержантом, Исаченко запустил руку в карман плаща и под восторженный «ах!» очереди извлек паспорт на свет божий.

Кстати, говорить об очереди уже не представлялось возможным: поклонники кваса вместе с продавщицей дружно забыли о жажде и перемешались, увлеченно следя за происходящим, а к ним присоединились сторонние зеваки, наслаждавшиеся захватывающим зрелищем. Такое в кино редко показывают!

– Мой, мой! – воскликнул Лепнев, голос которого внезапно сорвался на альт.

Мужчина тыкал волосатым пальцем в сторону красных корочек, хотя документ еще даже не открыли. Свободной рукой Судовиков выхватил паспорт и большим пальцем распахнул его, пробежав глазами по имени и сравнив фото с оригиналом. Сколь бы ужасной в фотоателье ни выходила пресловутая карточка «три на четыре», несомненно, сей момент перед сержантом стоял Андрей Васильевич Лепнев.

Исаченко совсем скис, как если бы рассчитывал на обратное. Надо признать, что проблем Судовиков ждал вовсе не от карманника, а от обокраденного. Попробуйте-ка остановить человека на вокзале, и услышите возмущенные вопли о том, что через полчаса отбытие и что этому человеку уже полагается раскладывать в купе саквояжи с узлами.

На счастье сержанта, Лепнев моментально согласился проследовать в отделение, дать показания и заполнить положенные бумаги, прежде чем получить назад паспорт. Выяснилось, что управляющий не торопился на поезд, как раз наоборот. Андрей Васильевич – командировочный, только-только прибыл в Петрозаводск из Ленинграда по делам хлеботреста, багаж держал в камере хранения.

Судовиков слегка сожалел, что его триумф не видел старший лейтенант; впрочем, ехидный Сюкияйнен наверняка бы истолковал происходящее по-своему и не преминул бы придраться к тому факту, что сержант околачивался рядом с квасной бочкой.

В любом случае настроение у Николая Станиславовича сделалось отличным. Впереди предстояло оформление рецидивиста, которого удалось взять столь легко.

* * *

В отделении при обыске Исаченко нежданно-негаданно всплыла причина его нервозности. В правом кармане плаща, где лежал ворованный паспорт, к удивлению присутствующих, обнаружился… второй паспорт. На сей раз – на имя Михаила Георгиевича Вислоуха. О краже по ошибке теперь и речи не велось. Гвоздь целенаправленно тащил у граждан личные документы. Но с какой стати?

Распсиховавшийся Исаченко заявил, что будет отвечать «самому главному». Зачастую подобную блажь арестованных сотрудники милиции пропускают мимо ушей. Обычная часть не слишком оригинального и, как правило, безыскусного спектакля, в ходе которого «заслу-

женный артист» проверяет, насколько «легавые» готовы поверить в его выдумки, насколько податливы его манипуляциям. В отделении такие номера не проходят!

На сей раз отмахнуться от заявления Гвоздя не получилось, поскольку кража двух паспортов подряд – весьма серьезное преступление с неясными целями. Можно биться об заклад, что обе кражи являются начальным этапом более масштабного преступления, например какой-то крупной аферы, в которой мошенники постараются выдать себя за других. Так что вызывать старшего по званию пришлось бы независимо от того, просил бы этого Исаченко или нет. Поэтому Судовиков, наскоро посовещавшись с коллегами, направился к начальнику городского УГРО Петрозаводской милиции Дмитрию Александровичу Ковалеву.

Ковалев поразился не меньше подчиненных краже паспортов, но вида не подал и отреагировал мгновенно: перво-наперво отправил на вокзал опергруппу, чтобы найти вторую жертву преступления – гражданина с говорящей фамилией Вислоух; следом распорядился привести Исаченко на допрос.

Щипач на удивление легко раскололся. Мелкая сошка, он не привык промышлять по-крупному, из осторожности сторонится больших дел. Всяк сверчок знай свой шесток. Поэтому воришке стало не по себе, когда на него вышел «сам Снятков».

Случилось это во вторник, восьмого мая. Тот день у Исаченко не задался, отчего карманник благоразумно решил не щупать прохожих, вместо этого разыграв из себя простофилю, потерявшего билет.

– Граждане, люди добрые! – взывал воришка, слоняясь по вокзалу. – Помогите собрать на билетик! Кому сколько не жалко… Срочно надо… Еду к больной матери…

Нет, если уж день не задался, то все пойдет наперекосяк. Пожалуй, вообще стоило развернуться и пойти домой, да подвела проклятая жадность. В какой-то момент некто приблизился к Исаченко сбоку. Поверх мелочи в протянутую кепку лег мятый полтинник, отчего ноги Исаченко сделались ватными и невольно подогнулись. Карманник нерешительно покосился на крупную, грузную фигуру дарителя.

– Хочешь больше зашибить, Гвоздь? – произнес высокий, массивный мужчина с короткими редеющими волосами, источавший пугающую силу. В ответ на затянувшееся молчание здоровяк презрительно усмехнулся и, понизив голос до хриплого шепота, язвительно спросил: – Не признал, что ли, тугодум? Эх ты, корешей забываешь, рванина!..

– Миха Мурманский? – выдохнул Исаченко, округлив глаза и почувствовав неукротимое желание бежать отсюда на край света.

Вор в законе Михаил Снятков, он же Миха Мурманский, – из тех людей, с которыми лучше не связываться. Он промышлял по-крупному: грабил склады, обчищал машины, взламывал квартиры. Действовал жестоко и с размахом. Попадался кто на пути – избивал до полусмерти, а иной раз и до смерти. Люди Сняткова, как и сам он, силушку не рассчитывали, отчего могли ни за понюшку отправить свою жертву к праотцам.

Банда Мурманского орудовала от Колы до Ладоги, в Петрозаводск наведывалась частенько, потому местные уголовники о «подвигах» ее прекрасно наслышаны. В том числе разок-другой пересекался со Снятковым карманник Исаченко, когда сдавал барыгам краденые часики, цацки или другое добро.

В последнюю встречу Гвоздя рекомендовали главарю банды как необычайно одаренного мастера таскать из чужих карманов. Снятков заявил, что ему нужен тот, кто запросто стащит ключи от машины у водителя. Банде требовалось для предстоящего дельца угнать легковушку по-тихому, то есть без нападения на шофера. Исаченко сотрудничать с головорезами не хотелось, тем более быть у них мальчиком на побегушках: неравноправное партнерство грозило превратиться в рабство.

В голове перепуганного Сергея крутились варианты вежливого отказа, хотя никакой отказ такому человеку, как Снятков, не будет считаться вежливым. Горделивый и безжалост-

ный, Миха Мурманский запросто сочтет слова Гвоздя неуважением. И все же в тот день фортуна улыбнулась Сергею, поскольку к барыге заявился некий Васютин, участник банды Сняткова, и объявил, что машину уже угнали. Надобность в услугах Исаченко отпала, и тот вздохнул с облегчением.

Когда, бишь, это случилось? Да полгодика назад, плюс-минус. В минувший же вторник Гвоздь вновь столкнулся с Михой, причем на сей раз отнюдь не по воле случая. Будь встреча случайна, так Мурманский не только бы милостыни не подал, но и не заговорил бы. Нет, он заговорил и четко дал понять Гвоздю, что рассчитывает на безоговорочное содействие.

– Шумно здесь, людно… – с деланой досадой причмокнул Миха. – Пошли-ка в «Ветродуй» заскочим, нашу встречу обмоем. Я угощаю.

Не дожидаясь ответа, он панибратски обхватил Исаченко за плечи и поволок по улице, изображая старинного приятеля, каковым никогда и никому не являлся, даже участникам собственной банды. Миновав таким образом в молчании два квартала, Снятков с невольным подельником остановились у дверей пивной под названием «Ветерок», которую местные ценители пенного напитка не слишком остроумно прозвали «Ветродуем».

– За удачу! – предложил тост Снятков, осушил кружку темного, погладил себя по животу, затем, после легкой отрыжки, начал подводить разговор к сути, прибегая к неуклюжей лести: – Ты, конечно, Гвоздь, щипач авторитетный. Скажи, это правду люди базарят, дескать, ты однажды паспорт спер с фотографией правильного фраера? Нет, серьезно так было? Или кореша горбатого лепят?

Исаченко замялся, но признал, что заказ такой и вправду был. Объявленному в розыск приятелю Жеке срочно требовался билет на поезд, купленный под чужим именем. Тогда Сергей по доброте душевной предложил Жеке воспользоваться чужим паспортом. Приятель идею просек не сразу. Гвоздю пришлось долго и терпеливо объяснять, что он отыщет на вокзале мужчину с похожим лицом, у которого стащит документы. Карточка в паспорте все равно никуда не годится, отличия от владельца есть всегда, поэтому искать точного двойника не придется, сгодится любой мало-мальски схожий человек.

Справился Исаченко с непростой задачкой на отлично. Само собой, пришлось обивать ноги на вокзале и на перроне в течение часов четырех, зато результат превзошел все ожидания. Когда приятель открыл паспорт, то с удивлением обнаружил на фото собственную физиономию. Сходство казалось даже большим, чем с портретом в собственных документах. Еще более поразило то, что владелец паспорта был ростом ниже Евгения и обладал нездоровым розовым цветом лица, как у сердечника. Иной человек и не приметил бы сходства, но Исаченко каким-то чудом догадался, что черно-белое фото розоволицего Жеке подойдет идеально.

Это привело приятеля в неописуемый восторг, отчего он проболтался «надежным» корешам о том, как ему пособил Гвоздь. Молва разлетелась широко, болтуна повязали; впрочем, Жека поступил по совести и Серегу органам не выдал, заявив на допросе, будто паспорт стырил лично. Но весь уголовный мир Петрозаводска знал, кто есть кто в этой истории, оттого-то слава карманника Исаченко гремела несколько лет. Шумиха почетная, но для такого тихони, как Гвоздь, совершенно излишняя.

Сейчас он повторно проклял тот день, когда удумал выручить старину Жеку. «Ох, надеюсь вертухаи тебя каждый день мордой в парашу окунают!» – в сердцах пожелал приятелю Исаченко, нервно кусая губы. Выслушав предложение Сняткова, Гвоздь разразился по адресу Жеки еще более изощренными пожеланиями и отборнейшими ругательствами, при этом не произнеся ни единого вслух.

Миха Мурманский же, ни много ни мало, дал Исаченко задание украсть на вокзале не один, а три – подумать только, три! – паспорта у мужчин определенной внешности. Естественно, с той целью, чтобы этими паспортами воспользовались участники банды Карпов, Васютин и Гаджиев. Главарь широким жестом пообещал щипачу долю за участие в деле. Пол-

тинник в кепке – аванс, пиво – подарок. Настоящее вознаграждение – три сотенных за «ксиву», итого девятьсот рублей.

Пиво не лезло Сергею в глотку после того, как бандит озвучил сумму. Задание невыполнимое, но отнюдь не сложность поручения страшила карманника. Он четко понимал, что почти тысячу не заплатят за дело, которое не связано с насилием. Снятков намечал нечто очень и очень серьезное. И кровавое. Быть может, сберкассу взять хотят?

Испуг Гвоздя не укрылся от сверлящего взгляда Михи Мурманского.

– Чего сдрейфил, рванина?

Выпитое пиво подействовало, и, набравшись смелости, Исаченко выдал Сняткову:

– Не хожу в воду, не зная броду. Раз берешь в долю, говори как есть, какая работенка предстоит?

– Не кипешуй, Гвоздь! Миха Мурманский своих не подставляет, – спокойным тоном, с напускным равнодушием произнес Снятков и лениво прикрыл глаза. – «Картинки» продать финнам хотим за приличную мзду.

Его широченная ладонь поглаживала пузико пивной кружки. Он заказал еще по два темных, после чего извлек из внутреннего кармана куртки шкалик шнапса и добавил немного в каждую из кружек. Отхлебнув «ерша», Исаченко растерял свое недоверие и согласился добыть паспорта. Похмелье на следующее утро вернуло в реальность.

Снятков солгал – это первое, что пришло на ум Исаченко при пробуждении.

«Картинками» на языке контрабандистов зовутся старинные иконы, часто в золотых окладах. Об их духовной ценности вокзальный щипач не имел представления. Рыночная цена же, как он догадывался, должна быть заоблачной, ведь на Западе религиозное искусство вроде являлось ходким товаром. Миха по этому поводу много ерничал, будучи в подпитии:

– Мы с тобой благое дело делаем, брат! Гы-гы-гы! Религию вывозим подальше из родной страны на загнивающий Запад. Гы-гы-гы!

Поначалу задумка звучала правдоподобно. Нетрудно поверить в то, что Снятков связался с контрабандистами и затеял ради доброго куша переправить парочку икон в Финляндию. Но врожденная осторожность мешала Исаченко не замечать обмана. Сергей счел подозрительным, что ящики с иконами будут перевозить в трех самосвалах под слоем щебня. Обычно так не делается. Хитрец сообразил, что его пытаются использовать, втягивая в серьезное преступление.

Оскорбило и нежелание бандита раскрыть карты перед подельником. Снятков обращался с Гвоздем так, словно с «куклой» работал. Участвовать невесть в чем Исаченко не желал, поэтому, когда его взяли на вокзале, воспринял арест как знак судьбы и охотно сдал Миху Мурманского.

* * *

Полковник Ковалев озадаченно покачивал головой, поражаясь остроте ума и виртуозной ловкости Исаченко. «Сержанту Судовикову непременно нужно будет объявить благодарность, и чтоб в личное дело пошло, – решил для себя Дмитрий Александрович. – Поймать такого хитрюгу непросто, а у сержанта уже третий раз получается». Полковник еще раз осмотрел украденные паспорта.

– Для кого вы похитили эти документы?

– Карпов будет Вислоухом, Васютин – Лепневым, – пояснил Гвоздь. – Оставалось отыскать кавказца, похожего на Гаджиева. Он из Азербайджана. Как на грех, ни одного на глаза не попадалось.

Ковалев вновь покачал головой, не в силах скрыть изумления. Конечно, по долгу службы нельзя восхищаться преступлением. Но отыскать за день в толпе двух двойников – это мастерство столь высокого уровня, что полковник не смог сдержать эмоций.

– Ваши бы таланты да в мирное русло, Сергей Тарасович! – произнес Ковалев со вздохом, затем собрался, принял серьезный вид. – Как именно Снятков намеревается использовать добытые вами паспорта?

Исаченко пояснил, что неподалеку от какого-то приграничного поселка (названия главарь не сообщал) идут работы по укреплению грунтов. Вроде там последствия оползня устраняют, поэтому туда каждый день ездят самосвалы со щебнем. Карпову, Васютину и Гаджиеву поручено изобразить водителей. Рядом с поселком действует погранпункт, где у всех проезжающих проверяют документы. Люди Мурманского покажут пограничникам паспорта, пропуска и липовые накладные, после чего бандитам разрешат ехать на площадку, где ведутся земляные работы.

На место оползня, естественно, водители не отправятся, они свернут на тайную лесную тропу, бросят на полпути самосвалы и пешком, прихватив иконы, двинутся через лес к границе. Там в условленном месте бандитов будут ждать посредники, которые доставят товар покупателю. Тропа давно заброшена, никем не охраняется, контрабандисты ею активно пользуются последние четыре года. Поэтому главарь убежден, что дело выгорит. Единственным препятствием на пути стали паспорта.

Накладные и пропуска – пустячные бумажки, изготовить их люди Сняткова и сами в два счета сумеют. Зато изготовить или заказать фальшивый паспорт Миха не может, даже не представляет, как подобное делается, поэтому задумал привлечь к делу Исаченко. И ведь не прогадал! Гвоздь, похоже, поручение бы исполнил, не попадись на глаза Судовикову.

– Почему вы заподозрили, что Снятков водит вас за нос?

Исаченко хищно осклабился. Его внешность сию минуту преобразилась, исчез робкий, испуганный мужичонка, чье место занял самоуверенный и самодовольный, знающий себе цену уголовник. Не по плечу головорезу перехитрить прожженного плута, зря Миха этого не учел, когда понадеялся обдурить Гвоздя. Или не планировал обдурить, запугать рассчитывал? В любом случае Исаченко умел сопоставлять факты, находить несоответствия.

– Три самосвала для перевозки «картинок»? Одного бы за глаза хватило, гражданин начальник, сами-то посудите! Да и товарец такого сорта обычно по морю перевозят. Сокровищам нужны пиратские бриги, хе-хе… Ну, или белый теплоход с туристами на палубе, разве нет? А вот так по-головотяпски, темным лесом… Не верится мне.

Ковалев внимательно слушал и соглашался с доводами карманника. Схема с перевозкой икон слишком уж сложна, обычно культурные ценности переправляются контрабандистами иначе, без подобных заморочек. Настораживало и то, что иконы перевозят через сухопутную, советско-финскую границу, тогда как обычно похищенные православные сокровища транспортируются преступниками через балтийские порты, в этом Исаченко тоже проявил осведомленность.

– Вдобавок сволочь от меня какого-то человечка скрывает.

– Что за «человечек»? – насторожился полковник.

– Я банду Мурманского знаю, в ней пятеро. Собственно Снятков, а также Ковда, Карпов, азербайджанец этот, Гаджиев, и Васютин. А тут вдруг новенький объявился, с польскими связями. И этого новенького от меня прячут. Зачем, спрашивается, прячут? От сглаза, что ли, как того грудничка? Раз у новенького связи в Польше, на черта понадобилось через карельскую тайгу «картинки» везти? Я не вчера родился, наслышан, что в Польше покупателя на иконы скорее найти, чем в твоей помойной Финляндии. Ох, что-то нечистое замышляется.

– Постойте-ка! Кто такой этот новенький? Когда и где вы его видели?

– Не видел, по куреву догадался. Из-за этого еще больше опасаться начал.

В среду Снятков привел Гвоздя к себе на квартиру, чтобы Исаченко тщательно рассмотрел лица и паспорта Васютина, Гаджиева и Карпова. Внимательность карманника натренирована на различные мелкие вещицы, которые можно стянуть. От Исаченко не укрылась валявшаяся на диване пачка польских папирос с надписью «Klubowe». «Клубные», стало быть. Что-то знакомое… Сергей вспомнил, как слышал о них от одного приятеля, проживавшего пару лет в Белоруссии и там попробовавшего разные марки польских сигарет и папирос. Все они показались приятелю редкостной гадостью, кроме «Спортивных», которые еще туда-сюда, хоть и отстают по вкусу от наших. По поводу «Клубных» приятель плевался и бранился больше всего, называл полной дешевкой – и по цене, и по качеству.

Люди Сняткова курили другие папиросы, это сразу бросалось в глаза. Как же здесь очутились «Клубные»? Вряд ли Мурманский украл их ради перепродажи спекулянтам, раз товарец дешевый и на вкус отвратный для русского человека, привыкшего к другим маркам. Кроме того, на мысли о продаже намекал бы блок папирос, а не одна мятая пачка. Быть может, Снятков пробы ради принес? Тоже вряд ли: пачка пуста, ее выкурили полностью. Ради пробы целую пачку дерьма не выкуришь, одной сигаретки хватит. Пары секунд хватило Гвоздю, чтобы догадаться: в банде есть новенький, он-то и любит «Клубные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.